

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации
Загорюлькиной Юлии Викторовны
«Мифо-ритуальные основы сюжета и конфликта
в драмах А.Н. Островского и Л.Н. Толстого»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации
(филологические науки)

Проблемы мифопоэтических основ (корней) произведений художественной словесности остаются в числе насущных вопросов современного теоретико- и историко-литературного дискурса, несмотря на их определенную и притом, скажем прямо, весьма глубокую, обстоятельную, фундаментальную разработанность за последние три-четыре десятилетия. Не будет ошибкой сказать, что в отечественной гуманитарной науке сложилась и существовала своеобразная мода на мифопоэтические исследования: литература – продукт индивидуального творчества – трактовалась по наиболее общему виду в качестве канала выражения архетипических сторон коллективно-мифологического сознания, способа вариативного претворения тех скрытых, потаенных механизмов мышления, которые были заложены в древних мифах, архаических обрядах и ритуалах. Вместе с тем, повторимся, подобная обращенность исследователей к мифологическому фонду культуры при изучении авторского художественного наследия не исчерпывает всех проблемных «узлов» мифопоэтики как части литературоведческих штудий; остаются «лакуны», «белые пятна» методологического и конкретно-эмпирического характера, которые нуждаются в системном, последовательном научно-филологическом освещении.

В этом отношении а к т у а л ь н о с т ь т е м ы представленной диссертации не вызывает сомнений.

Основной целью работы стал «анализ мифо-ритуальных основ сюжета и конфликта в драмах Л.Н. Толстого и А.Н. Островского» (с. 15). О б ъ е к т о м исследования были выбраны вершинные драматургические сочинения этих писателей (из Островского – «Гроза», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые», «Не так живи, как хочется», «Не от мира сего»; из Толстого – «И свет во тьме светится», «Живой труп», «Власть тьмы»), причем автор диссертации четко оговаривает принципы отбора материала для сопоставительного изучения: в сферу его интереса не входили те драматические тексты, в которых мифологическая («фольклорно-поэтическая») реальность была представлена эксплицитно. М е т о д о л о г и ч е с к о й ч а с т и своей работы диссертантка опиралась на мифореставрационный подход, наряду со структурно-семантическим и сравнительным (компаративным), объясняя, что именно он позволяет точнее, всесторонне вскрыть глубинную модель смыслопорождения текста в аспекте бессознательных интенций

авторского творчества, в гениальной версии всегда интуитивно чуткого к тонким и не всегда в полной мере проявленным граням коллективного мифологического опыта. **Н а у ч н а я н о в и з н а** диссертации определяется исследованием «контекстной семантики» (с. 17) отдельных значимых локусов названных драматургических произведений, а также их изучением в плане последовательного сравнения и сопоставления.

Диссертация имеет традиционную структуру, коррелирующую с целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав с делением на параграфы, заключения и библиографического списка, насчитывающего около 400 наименований, в том числе на иностранных (английском) языках.

П е р в а я глава диссертации «Мифо-ритуальные модели сюжета как катартические стратегии: конфликт и персонаж» посвящена разбору мифологических претекстов (исходных текстовых структур), лежащих в основе драм Толстого и Островского.

Диссертантка утверждает, в частности, что толстовская драма «И свет во тьме светит» с точки зрения основополагающего конфликта может быть если не возведена, то соотнесена с античным мифом об Эдипе, художественно воплощенным в известных трагедиях Софокла (контекст христианской культуры, в которую был вписан Толстой, не отменяет внимания к античному язычеству как одному из вариантов универсального метаязыка, «матрицы» описания русских словесно-литературных текстов). Герой пьесы Толстого напоминает Эдипа: как и древнегреческий персонаж, следующий указаниям Оракула, он хочет жить опрошено, в согласии с евангельскими истинами-заповедями (с. 31); перед толстовским героем встают те же острые, жгучие вопросы, связанные с поиском правды (кто я? зачем я?), над которыми размышлял и Эдип (с. 32), как по-настоящему открыть в человеческом божественное (с. 33) и т.д. Диссертантка считает, что такое извлечение претекста находится в «контрасте» с обычным, принятым пониманием толстовской пьесы как социальной, семейной и автобиографической с набором прототипов. Оперировав понятием духовного катарсиса, Толстой, по мнению автора диссертации, через главное действующее лицо пьесы демонстрирует не его конфликт с внешней средой, а, по сути, столкновение между идеальным, всеохватным божественным знанием и невозможностью «перевести» его на язык локальных, земных, человеческих сношений. Сарынцев полагал, что простое следование истине открывает путь к спасению, однако обнаружил затем неполноту, недостаточность, поверхностность такого, казалось бы, очевидного взгляда. Подобно Эдипу, он попал в трагическое положение нравственного слепца, т.е. незрячего, идущего на ощупь по зыбкой почве: его самоуверенный человеческий ум оказался ничтожной величиной в сравнении полноценной истиной Бога (с. 44).

Кроме того, согласно мнению автора, данная пьеса Толстого по характеру конфликта и набору обсуждаемых проблем близка к драме Островского «Не от мира сего»; их также сближает обращенность к библейскому (евангельскому) источнику, которая закреплена в самих названиях произведений. Диссертантка рассматривает творческие переключки текстов на уровне списка

действующих лиц, семейно-бытового противостояния, мотивной структуры; уделяется внимание семантике имен, приему «говорящих фамилий»; подчеркивается значение общемифологического контекста, в пьесе Островского связанного с борьбой двух противопоставленных миров, «верхнего и нижнего» (с. 57), образов крылатой птицы и бескрылой змеи. Довольно интересным является фрагмент диссертации, в котором аргументированно репрезентируется значимость ветхозаветного сюжета об Иове, страдающем праведнике, для драматургического наследия Толстого и Островского. Диссертантка указывает на библейскую основу названия хрестоматийно известной статьи Н.А. Добролюбова о «Грозе» Островского, соотнося его с названием толстовской «Власти тьмы»; чрезвычайно любопытным представляется здесь сопоставление сюжета пророческой книги Ветхого Завета об Иове с фабулой одной из буддийских джатак – сказаний о земных перерождениях Будды. С точки зрения диссертантки, толстовский Сарыңцев «ближе к герою буддийской джатаки, чем к библейскому персонажу» (с. 59); тем самым еще одним примером доказывається мнение, высказанное когда-то Н.А. Бердяевым, согласно которому творчество Толстого в большей степени отражает буддийский взгляд на жизнь, нежели христианский, хотя определение Толстого как «христианского анархиста» встречается в научно-критической литературе по понятным причинам много чаще. Справедливой кажется и та мысль диссертантки, что между Толстым, Островским и Добролюбовым в осмыслении бинарной оппозиции «свет – тьма» существует «внутренняя взаимосвязь» (с. 64). Замысел романа «Анна Каренина» с его трагическим финалом родился не без определенно ощутимого влияния «Грозы» Островского и статей Добролюбова.

Естественно, что, рассуждая о семейных темах в творчестве двух писателей, диссертантка не могла не затронуть вопрос о мифологических трактовках конфликта «отцов» и «детей». Автор диссертации полагает, что прослеживаемый в пьесах Островского конфликт между дядей и племянником (тут, между прочим, можно вспомнить гончаровскую «Обыкновенную историю», целиком построенную по диалогическому принципу на идейно-ценностном противостоянии племянника и дяди, о чем диссертантка пишет на с. 75) восходит к древнеегипетскому мифу об Осирисе, в котором изображается конфликт Гора и Сета за право наследовать священный престол. Аналогичный сюжет диссертантка находит в греческом мифе о проклятии Пелопидов, а затем, соблюдая принцип культурно-исторической последовательности (преемственности), обнаруживает реализацию данного метасюжета в средневековой хронике Саксона Грамматика, ставшей повествовательным источником для шекспировской трагедии «Гамлет», а также во многих памятниках европейской драматургической литературы Нового времени вплоть до XX столетия. В мифе заложен универсальный ключ к прочтению литературной классики, которая, поясняет диссертантка на с. 76, включает катарсический компонент, то есть компонент, дающий возможность по-новому в читательском преломлении ощутить, почувствовать «вечные законы» жизни (бытия), с чем, разуме-

ется, нельзя не согласиться. Добавим лишь, что термин «катарсис» может толковаться и расширительно, в более уточненных обертонах смысла, не только как «переживание», но и как очистительное «освобождение»: повышенная творческая продуктивность Толстого вызвана именно этой почти инстинктивной потребностью выразить в письменном слове густой рой отяжеляющих мыслеобразов; из «толстовского» типологического ряда писательских имен можно привести в пример А.И. Солженицына, прямо заявлявшего (в литературных очерках «Бодался теленок с дубом») о катарсическом «освобождении» в процессе напряженной творческой работы (и общественной борьбы), что порой воспринималось в среде критиков как форма графомании.

В первой главе мы находим верное указание диссертантки на «перенаселенность» произведений Толстого многочисленными родственниками (братьями-сестрами), что не всегда выглядит мотивированно на сюжетно-фабульном и идейно-эстетическом уровнях. Описывая это явление, диссертантка прибегает к современному термину «сиблинги». По мысли диссертантки, умножение количества персонажей, в том числе неосновных, второстепенных, вызвано авторской реализацией распространенного в древности «близнечного мифа», мифа о близнецах, полярно отличающихся друг от друга характерами и темпераментами; способом практического воплощения этого мифа был в архаичные времена ритуал вызывания дождя и культ небесных светил (с. 85). Его наличие доказывается конкретными примерами из драмы «Живой труп». Автор диссертации отстаивает необходимость более широкой трактовки этого произведения: драма Толстого – не только о бесчеловечности судебной машины, безразличной к человеческому достоинству, но и о столкновении живой жизни и мертвой буквы рационального закона (с. 90), говоря по-христиански, «благодати» и «фарисейства». Соглашаясь в целом с интерпретациями диссертантки, хотелось бы подчеркнуть, что увеличение количества героев, в том числе связанных близкородственными узами, определяется у Толстого еще и типом его эпического мышления, ориентированного на многоплановую сюжетную развернутость, гибкую пластическую описательность, многословную повествовательность – стратегию художественного письма, в котором одно звено событийного рассказа движется к другому по логике охватного, полнокровного знания с учетом бесконечно частных мелочей; в идеале эпическая традиция предполагает подробный разговор о вещах и людях. (Подобную картину мы можем наблюдать в гомеровских поэмах, вообще в архаических и средневековых эпических поэмах Запада и Востока).

Диссертантка находит в пьесах Островского и Толстого следы гимнографической традиции. Она дает о себе знать как в одической по происхождению песне, которую распевает Кулигин, так и в цитатах из культовых песен, которые располагаются в «сильных позициях» драмы «Гроза» (зачин, концовка). «Интертекст пьесы, – объясняет диссертантка, – ... соотносится с глубокой художественной философией автора» (с. 93). Образ дуба, упоминаемого в песне (эквивалент мирового древа), гроза, ветер, широкий берег Волги с нависшими

облаками – все это в мифологической проекции воспроизводит атмосферу обращения человека к богам, все это, по удачной дефиниции диссертантки, становится «субститутами теофании» (с. 93) – каналом манифестации божественного. Диссертантка выдвигает предположение, что гимнографическая традиция проявляется не только в цитациях пьесы; она относится ко всему произведению, так что уместно соотнести его с «античной трагедией и ритуалом» (с. 94). Очень интересными и даже продуктивными в этом контексте представляются те разборы, в которых устанавливаются древнеиндийские мифологические параллели из «Ригведы» к монологам Катерины (речь идет о ее обращении к стихиям природного мира). Правда, следовало бы иметь в виду, что эти параллели – все же не прямолинейные; в противном случае необходимо было бы оперировать материалом какого-либо знакомства Островского с индуизмом как системой религиозных воззрений. Все «языческие» образы в монологах Катерины – составляющие славянской мифологии как части индоевропейских представлений о богах, и только в таком качестве сквозь призму авторского бессознательного они могут коррелировать с семантическими структурами древнеиндийской мифологии. Совсем не случайным в этом плане выглядит анализ «ведического слоя» толстовских мифологем в «Живом трупe»: цыганское хоровое пение с его экзотичностью, изображенное в пьесе, служит своего рода переходной деталью-моментом от русского сознания к древнему индийскому, зафиксированному в «Ригведе» и других священных книгах Индостана.

Во второй главе диссертации «Аспекты мифо-ритуальной референтности: типы сюжетных ситуаций, природные мифологемы и семантика календаря» анализу подвергаются отдельные мифологемы и сюжетно-фабульные ситуации драм Островского и Толстого, соотнесенные с универсальной мифологической традицией.

С опорой на теоретические труды Аристотеля, с привлечением разнообразного сюжетного материала древнегреческой мифологии диссертантка разрабатывает ситуацию «узнавания / не-узнавания» персонажа. Так, момент узнавания в драме Островского «Без вины виноватые» трактуется ею в качестве частного случая «метаситуации греческой мифологии» (с. 107), которая находит особенное воплощение и в «Махабхарате». Рассказ Толстого «Корней Васильев», близкий по строению драматическим опытам писателя, содержит этот старый мифологический мотив. Совершенно справедливо диссертантка пишет о том, что «узнавание – наиболее эффектный и напряженный момент действия», по причине чего в драмах «оно играет более важную роль, чем в эпосе» (с.110). В связи со сказанным мы должны заметить, что этот правильный тезис требует большей (в количественном плане) обращенности к драматическим произведениям Островского и Толстого. Ограничиваться одним «Корнеем Васильевым», несмотря на его очевидный драматургический базис, пожалуй, недостаточно...

В этом же аспекте рассматривается автором ситуация «блуждания / заблуждения». Диссертантка привлекает материал русской классической литературы XIX–XX веков («Ревизор», «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Теркин на том свете» А.Т. Твардовского), демонстрирует обозначенную ситуацию в драмах Островского «Бесприданница», «Таланты и поклонники», специально оговаривая, что сюжет первой пьесы далек от перипетий мифа об Эдипе и близок к «сюжету Деяниры» из мифологического комплекса о подвигах Геракла (треугольник «Лариса – Паратов – Карандышев» с семантическим анализом имен действующих лиц). Отмечается здесь также и то, что ситуация блуждания восходит к библейскому преданию: притча о блудном сыне, вслед за исследовательницей из Республики Башкортостан (Э.А. Радь), толкуется как архетипический инвариантный сюжет, живущий в культурной системе («большом времени», по М.М. Бахтину) собственной жизнью и на разных хронологических срезах генерирующий новые (дополнительные) смыслы. Сюжет этот в трансформированном, переосмысленном виде автор диссертации находит в драме Островского «Не так живи, как хочется» и связывает с ситуацией «ухода – возвращения».

Названный сюжет диссертантка точно называет «универсальным символом развития личности» (с. 118), указывая на то, что не всегда он реализует идею конечного триумфа и счастья. Детально сюжет возвращения рассмотрен диссертанткой на примерах «Живого трупа» (с привлечением рассказа «Альберт» и повести «Казачьи»), а также «И свет во тьме светится». Всецело, полностью можно согласиться с тем, что «в русской литературе нет другого автора, кроме Л.Н. Толстого, который сделал бы мифологему ухода центральной в своем творчестве» (с. 121). Возможно, стоило бы в анализах третьего параграфа второй главы поставить во главу угла не столько западную мифологическую традицию как хорошо освещенную, сколько восточную, поскольку, если говорить о Толстом, то идея ухода связывалась в его сознании с «освобождением», как внешним, так и внутренним; это был ключевой, центральный момент его духовного и творческого пути; оперирование ориентальными концептами могло бы внести в интерпретационную модель диссертантки значимые смысловые акценты-уточнения (примем во внимание и то, что притча о блудном сыне – ближневосточная история о Боге-отце и своевольном человеке-сыне).

О мифологеме леса пишется в диссертации как о «растительном коде» произведений Островского и Толстого (с. 123). При этом если в эпических сочинениях Толстого этот код представлен довольно широко, то, убеждает диссертантка, «в драмах Толстого... соотносимость с ритуальным фитокультурным контекстом не ощущается» (с. 124), в отличие от пьес Островского. В «Грозе», настаивает автор диссертации, «можно увидеть... начало того понимания мифологемы “лес”, которое будет реализовано в литературе XX века: зловещая лесная чаща станет символом тяжелого пути познания...» (с. 125). Этот пункт, конечно, нуждается в детальном обосновании с привлечением иллюстративных

текстов означенной эпохи хотя бы в примечании, чтобы вывод не казался излишне декларативным. Кроме того, для полноты картины можно было бы упомянуть и об «Исповеди» Толстого, в которой лес выступает как локус бесконечных блужданий несовершенного рационального ума человека. Контекст индийской мифологической, шире – духовно-интеллектуальной традиции, в которой образ леса был част, вероятно, оказался бы целесообразным, коль скоро универсальный язык мифологии складывается из культурных и мировоззренческих концептов Запада и Востока.

В аналогичном отношении можно было бы рассмотреть мифологему реки – «элемента “сакральной топографии”» (с. 129). Так, мысль Толстого о «людях как реках» вскрывает ту природу человеческой души, которая глубже, многограннее была раскрыта именно в восточных учениях, не только Гераклитом из Эфеса с его знаменитым афоризмом о текучести реки, как заявляет автор на с. 129. Но, говоря в целом, параграф, посвященный водной стихии, представляется цельным, выверенным, с четко разобранными примерами, и потому убедительным.

Мифологема огня толкуется диссертанткой в широком спектре значений, начиная с функции непосредственного «освещения» («фонарь», «лампа») и заканчивая символическим «преображением» (библейский пласт, закрепленный в названиях произведений Толстого). На разбор мифологемы были взяты «Гроза», «Бесприданница», «Власть тьмы», «Плоды просвещения»; был принят во внимание биографический контекст (Лев Толстой, Ясная Поляна, модный спиритический сеанс, его недвусмысленное рационально-просветительское высмеивание для домашней публики).

Уделяется автором диссертации внимание орнитологической образности с опорой на литературную классику XIX века (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, И.С. Бунин). Перечисляются птицы, фигурирующие в репликах действующих лиц пьесы «Таланты и поклонники» Островского; подчеркивается идея полета – в прямом и метафорическом (раскрепощение, эйфория, экстаз) смыслах («Гроза», «Бесприданница», главные действующие лица – Катерина, Лариса). Автор обнаруживает параллели образам птиц Островского в античной мифологии; поясняет, что толстовская художественная орнитология, «наследница пушкинской» (с. 145), основана на евангельских символах «птицы-души». Тему полета в «Грозе», по-видимому, можно было бы осветить и с точки зрения древнерусской литературы, несмотря на всю хрестоматийность этого соответствия. Монография Б.М. Гаспарова «Поэтика “Слова о полку Игореве”» (М.: Аграф, 2000. 608 с.), особенно ее 4-ая глава, посвященная мотиву «парения – веяния» как части земледельческого комплекса в русском памятнике XII века, могла бы стать методологически определяющей в разборах художественных произведений позднего времени, в том числе текстов Островского.

Закономерно, что древнерусский контекст и славянскую мифологию автору приходится неизбежно учитывать в параграфе о семантике календаря в

пьесах Островского («Масленица – ... не просто фон, на котором разворачиваются события, а главный герой пьесы <“Не так живи, как хочется”>» (с. 148)). Календарная система пьес Толстого, думается, требует несколько более полного изучения в сопоставительной перспективе.

Диссертация оставляет по себе крайне благоприятное впечатление. В ней собран и систематизирован большой научный и художественный материал. Научный материал тщательно проанализирован, каждая исследовательская точка зрения была разъяснена автором; литературный точно, но при этом аккуратно и вдумчиво разобран, чтобы каждое филологическое положение имело прочный доказательный базис в виде приведенной иллюстрации (эпизода, сцены, фрагмента); в работе много текстуальных наблюдений – знак внимательного, профессионального отношения к творчеству писателей. Мифореставрационный метод, которым активно и широко пользовалась диссертантка, содержит богатые возможности для изучения темы. Автор диссертации проявил себя как весьма эрудированный, компетентный, искушенный, умный специалист. Диссертантка прекрасно владеет понятийно-терминологическим аппаратом, стиль ее изложения отличается ясностью. Оформление текста диссертации соответствует нормативным требованиям. Общий объем диссертации вполне достаточен, отвечая правилам нормы. Результаты работы прошли важную а п р о б а ц и ю на 15-ти научных конференциях различного уровня (международного, всероссийского, межвузовского), освещены в 13-ти н а у ч н ы х т р у д а х (3 публикации входят в Перечень изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, остальные печатные труды представляют собой публикации автора в сборниках статей по материалам научных конференций). Мы посоветовали бы автору в будущем на основе проведенного исследования и опубликованных статей обязательно написать монографию (книгу) и издать ее.

Работа диссертантки, в итоге, носит концептуальный, самостоятельный и заверченный характер. Выводы диссертации достоверны и обоснованы целым набором литературоведческих аргументов.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации.

Вместе с тем, как любое глубокое исследование, данная диссертация вызывает некоторые вопросы. Для удобства мы сгруппируем их в два «узла».

В о – п е р в ы х, автор, рассуждая о мифопоэтических истоках художественной образности писателей, сюжетологии пьес и драматическом конфликте, имеет в виду западную (прежде всего античную) культурно-историческую основу, изредка и притом удачно обращаясь к восточной. Безусловно, греко-римский вектор русской культуры очевиден, лежит на поверхности (он задан контекстом официального выбора веры, христианской религии в конце X века, Петровской вестернизацией, фактом географической близости Европы). Однако не кажется ли автору, что путь к Востоку в поисках мифологической базы в не меньшей степени продуктивен? Дело не только в том, ставшем уже тривиальным, утверждении, что Запад и Восток в русской культуре

как культуре переходного, интегративно-синтетического типа в той или иной мере соотносительны. Дело в том, что универсальный язык мифа, о котором пишет диссертантка, априори предполагает наличие этой соотносительности, двуединства, двусущности, взаимной переходности Запада и Востока. Если мифологический архетип – некая обобщенная инвариантная форма, то наполняется она семантическими вариациями, извлекаемыми из архаических культур Запада и Востока, и, следовательно, постоянный и полный учет ориентального контекста оказывается не менее важной в методологическом и конкретно-содержательном планах стратегией изучения индивидуально-авторских текстов (миров). Более того, восточный мифопоэтический материал может включать такие элементы сюжетно-фабульной линии и конфликта, которые отсутствуют в западном, но присутствуют (порой по механизму сложной бессознательной рецепции) в русском. В этой связи возникает «подвопрос»: в какой мере восприятие мифа и ритуала у двух писателей носило сознательный (намеренный) характер? Не опосредовалось ли оно интересом к живой народной культуре?

Во – в т о р ы х, хотелось бы прояснить точку зрения автора диссертации о так называемом «морском комплексе»; в отечественной науке, как известно, представление о нем ввел и разрабатывал акад. В.Н. Топоров. Особенную актуальность это понятие приобретает в связи с образно-метафорической формулой Л.Н. Толстого о «людях как реках» (имеющей, как полагаем мы, буддийско-даосскую проекцию смысла). В чем топовские штудии о психофизиологической природе этого «комплекса», раскрытые на разнородном материале русской классической литературы, в том числе на примере творчества И.С. Тургенева (см.: «Странный Тургенев (четыре главы)». М.: Изд-во РГГУ, 1998. 190 с.), противостоят концепции С.М. Телегина о «врожденных и наследуемых элементах структуры мифосознания»?

Тем не менее наши вопросы-замечания ничуть не умаляют общей высокой оценки диссертационного исследования. Работа, повторимся, концептуальна, самостоятельна, содержательна, и, как всякий интересный текст, она вызывает полемику в самом хорошем, самом правильном смысле этого слова.

Диссертация представляет собой цельную научно-квалификационную работу, в которой содержится решение основной задачи анализа мифо-ритульных основ сюжета и конфликта в драматических сочинениях А.Н. Островского и Л.Н. Толстого, имеющей весомое значение для истории русской литературы в целом и русского драматургического искусства в частности, истории театра, его теоретических оснований, литературоведческой компаративистики (сравнение и сопоставление писательских систем в рамках одной национальной литературы), теории художественного текста как системы смысловых элементов и формальных приемов.

З а к л ю ч е н и е

Диссертация **Загорулькиной Юлии Викторовны** на тему **«Мифо – ритуальные основы сюжета и конфликта в драмах А. Н. Островского и Л. Н. Толстого»** выполнена

в соответствии с требованиями п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 года (в действующей редакции), а ее автор, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

Официальный оппонент:

Бекметов Ринат Ферганович,

доктор филологических наук (10.01.01 – русская литература),
доцент, профессор кафедры русской литературы
и методики ее преподавания

Института филологии и межкультурной коммуникации
Казанского (Приволжского) федерального университета

Бек

14 декабря 2023 года

Против включения персональных данных в документы, связанные с защитой указанной диссертации, а также их дальнейшей обработки не возражаю.

Информация об авторе отзыва:

ФИО. Бекметов Ринат Ферганович.

Почтовый адрес (с индексом). 420021, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, ул. Татарстана д. 2, кабинет № 318.

Телефон. 8(843)292-42-87, 8(843) 233-71-09.

Адрес электронной почты (e-mail). ifmk@kpfu.ru; public.mail@kpfu.ru; Rinat.Bekmetov@kpfu.ru (*website:* <https://kpfu.ru>; <https://kpfu.ru/philology-culture>; <https://kpfu.ru/Rinat.Bekmetov>).

Наименование места работы. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Должность. Профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания.

С основными научными публикациями официального оппонента Бекметова Рината Фергановича можно ознакомиться на следующем сайте в сети Интернет: <https://kpfu.ru/Rinat.Bekmetov> (личная страница автора отзыва).

Отзыв официального оппонента заверяю:

Ведущий документовед *Бекметов Р.Ф.* заверяю *Д.В. Фаттахова*

УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАУ ВО «КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ОГРН 1021602843244

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ